

СОЛНЦЕ

РОССІИ

Памяти А. П. Чехова.
(1904-1914 г.)

СОЛНЦЕ РОССИИ

*Незабвенной памяти
Антона Павловича Чехова
посвящается этот номер.*

А. П. Чеховъ (1892 г.).

ГОСТЕПРИМСТВО ЧЕХОВА.

Вл. И. Немировича-Данченко.

Эта была очень отчётливая черта в характере Антона Павловича: он любил, чтобы у него бывали. Даже если приходили к нему днем, когда он занимался, хотя и трудно ему было откладывать работу, часто спешную, он, все-таки, делал это охотно. Любил принимать людей, принадлежащих к литературе, живописи, театру, безразлично — больших или маленьких. С нескрываемой холодностью встречал только чванных бездарностей, мнящих о себе тупиц, лиц подозрительных в политическом отношении, в смысле ссыска. И уже с полным раздражением относился к докторам, дурно относившимся к своей профессиональной этике.

Он терпеть не мог длинных теоретических бесед об искусстве. Воображаю, как он относился бы ко всем этим диспутам о кризисе театра, если бы они были в его время! Не долбил даже приятельские пересуды друг о друге, чем зачастую наполняются все беседы между литераторами. Но если и не находилось тем для разговоров, то он испытывал приятное ощущение даже в простой болтовне с людьми, принадлежащими к искусству. У него всегда кого-нибудь можно было застать. Он не оставался подолгу за письменным столом, а если никто не приходил, то шёл в комнаты, где были семейные. Шутить, бросать отдельные замечания, напоминать о каких-нибудь хозяйственных мелочах, — всегда кратко, сжато. Может быть, болтливость выработалась в нем привычкой, что он долго не сидел на одном месте. Во время обеда несколько раз вставал, — или ходил по столовой, или уходил к себе в кабинет записать какое-нибудь наблюдение, или литературный образ, только что пришедший в голову.

Он вспоминается у себя дома всегда так: ходит по комнате крупными шагами, медленно, немного поддавшись вперёд. Молчал без стеснения, вовсе не находя нужным наполнять молчание ненужными словами. Часто улыбался, яркой, но быстрой улыбкой. Чтобы он гримасничал и долго сидел, я не смыхал. Всегда так: быстро и приветливо улыбнется и через мгновение опять серьезен. Перед покупкой Мелихова, последняя квартира Чехова была на Малой Дмит-

ровскъ, въ домѣ Фиргангъ, въ дворѣ, въ двухэтажномъ флигелѣ. Кабинетъ Антона Павловича былъ наверху.

— Какая вам охота покупать именьице, жить в деревне?

— Это же удобно: не надо платить за квартиру и покупать дрова.

И больше ничего. О том, что его тянуло самого заниматься в саду, или в огороде, или в других экономических службах, он ничего не говорил. А, между тем, в Мелиховѣ и в особенности потом, в новомъ ягтинскомъ домѣ, он много времени и, видимо, съ любовью, отдавал хозяйству. Между прочим, очень любил удить рыбу.

Когда переѣхалъ въ Мелихово, то его гостеприимство стало еще шире. Въ Мелихово прѣзжали погостить на день, на два, а иногда и гораздо больше. Антонъ Павловичъ жилъ большой семьей, и въ воспоминаніяхъ о Мелиховѣ хранятся очень оживленные дни и вечера, съ непрерывными шутками, пѣніемъ, художественными эскизами и прогулками. А когда такія развлечения исчерпывались, играли в лото. Лото Чеховъ любилъ, а въ послѣдніе годы замѣнилъ его пасьянсомъ. Въ средѣ близкихъ есть даже пасьянсъ, такъ называемый, чеховскій. Азартнымъ играмъ Чеховъ никогда не отдавался. Когда жилъ въ Ниццѣ, ѣздилъ въ Монте-Карло, игралъ, но очень скромно и большею частью немного выигрывалъ. Во время лото, конечно, сыпались непрерывныя шутки. Въ лото играли все: вся семья и гости.

Мелихово — это длинный одноэтажный домъ, на небольшомъ фундаментѣ, не очень большой садъ, не длинная, но красивая аллея, идущая сбоку отъ дома къ пруду или озеру, и нѣсколько десятковъ десятинъ земли. Были и службы, кое-какія изъ нихъ построены даже Антономъ Павловичемъ. Центральная Россія, Серпуховскій уѣздъ, дорога къ Мелихову, отъ станціи Лопасня 11 верстъ, проселочная, лѣсомъ, въ дождливую погоду осенью и весной, какъ водится, плохая: въ рывинахъ и ухабахъ.

Если мнѣ память не изменяетъ, кабинетъ А. П. былъ въ крайней комнатѣ съ окнами на двѣ стороны, довольно большой; окна, какъ въ старинныхъ домахъ, съ цвѣтными нижними стеклами.

Благодаря озеру и саду, въ лунныя ночи и закатные вечера Мелихово было красиво и волновало фантазію. Здѣсь Чеховъ писалъ «Чайку», и много подробностей въ «Чайкѣ» навѣяно обстановкой Мелихова. По крайней мѣрѣ, я не могу отделиться отъ впечатлѣнія, что сцена, которую устраиваетъ

А. П. Чеховъ со своимъ братомъ Николаемъ, набрасывающіи его портретъ (1884 г.).

Трещлевъ, пришла отъ этой аллеи, ведущей къ озеру, и «въ домъ играютъ», и «красная луна», и что въ четвертомъ дѣйстви.

Поселившись въ Мелиховѣ, Чеховъ увлекся службой земскаго врача, совершенно безкорыстно. Работать очень много. Какъ всегда аккуратный, и въ перепискѣ, и со своими бумагами, онъ и здѣсь вѣлъ систематическую статистику. Краткое *circulium morbi* онъ записывалъ на отдѣльномъ листкѣ въ четвертушку. Помню номеръ верхняго листика—738.

— Бичъ деревни—сифилисъ и женскія болѣзни. Ни одной здоровой женщины. Рожаютъ среди работы и послѣ родовъ, черезъ день, другой, опять въ работу.

И потомъ, когда Чеховъ пересталъ быть земскимъ врачомъ, онъ, какъ и еще ранѣе, любилъ свою первую специальность. Отъ него очень часто можно было слышать:

— Я же больше врачъ, чѣмъ писатель.

А до Художественнаго театра онъ не считалъ себя драматургомъ, можетъ быть, совершенно искренно, а можетъ быть, цѣдя свое самолюбие: хотѣлъ писать для театра, гдѣ-то въ тайникахъ души вѣрилъ въ себя, какъ въ драматурга, но такъ какъ успѣха еще не имѣлъ, а рядомъ съ нимъ имѣли успѣхъ сценическихъ дѣлъ мастера, то онъ и маскировался въ равнодушіе.

— Пишу для сцены, чтобы увеличить гонораръ изъ Общества Драматическихъ Писателей. Это же выгодно. Въ особенности надо писать побольше водевилей.

Но и когда къ писательству примѣшалась служба земскаго врача, онъ не переставалъ настойчиво приглашать друзей въ Мелихово и радовался ихъ прїѣзду.

Антонъ Павловичъ всегда какъ-бы былъ главой семьи, даже при жизни отца. Когда ему было предписано перѣѣхать на югъ, Мелихово было продано, и А. П. съ семьей поселился въ Ялтѣ. Онъ и сюда перенесъ свою любовь къ тому, чтобы въ домѣ у него бывало весело. Къ матери и сестрѣ онъ относился съ необычайной, исключительной нѣжностью. Безъ всякаго сентиментальнаго проявленія, но это сквозило во всѣхъ его заботахъ. Уѣзжая, напримѣръ, онъ считалъ своею обязанностью писать матери, почти каждый день, хоть по три строчки. Это не мѣшало ему подшучивать надъ старушкой, въ особенности, надъ ея религіозностью,—однако, очень мягко, отнюдь не оскорбляя глубины ея чувства. Самъ онъ былъ совершенно равнодушенъ къ религіи. Какъ-то сидя въ саду передъ закатомъ и прислушиваясь къ долетавшему церковному звону, онъ сказалъ:

— Красный звонъ. Это все, что у меня осталось отъ православія.

Въ Ялтѣ оказалась нѣсколько хорошихъ интеллигентныхъ семействъ, которыя силою обстоятельствъ тоже были прикованы къ югу и съ которыми Чеховъ близко сошелся. Тянулись къ нему и постоянные мѣстные жители, городскіе дѣятели, врачи, педагоги. Онъ относился ко всѣмъ корректно и внимательно, но не всѣхъ посѣщенія его радовали. Со многими ему было скучно, и терпимы они были развѣ только въ длинныя, тягучіе зимніе дни, когда Ялта пустѣла и производила унылое впечатлѣніе.

Зато съ весной домъ его оживлялся. Въ послѣдніе годы, когда слава Чехова достигла своей вершины, большинство прїѣзжихъ, даже мало знающихъ съ нимъ, или совсѣмъ не знающихъ, старались полагать къ нему въ домъ; образовалось нѣчто въ родѣ паломничества. Самое же оживленное время въ домѣ Антонова Павловича было, когда въ Ялту прїѣхалъ Художественный театр. Въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ театромъ

А. П. Чеховъ съ супругою (О. И. Кништеръ)—1901 г.

въ Ялтѣ, домъ Чехова цѣлый день былъ наполненъ артистами молодой труппы, которая стала такъ дорога и близка ему.

Послѣднюю зиму своей жизни Чеховъ провелъ въ Москвѣ. Съ наступленіемъ морозовъ докторъ разрѣшилъ ему перѣѣхать на сѣверъ. Здѣсь (на Петровскѣ, въ домѣ Коровина) онъ уже никакъ не могъ бы работать, если бы и захотѣлъ, потому что у него непрерывно въ теченіе дня кто-нибудь бывалъ. Это его почти не утомляло, во всякомъ случаѣ, онъ охотно мирился со своимъ утомленіемъ, а по вечерамъ, даже, любилъ, чтобы у него было много народа и чтобы одинъ читалъ, другой пѣлъ, третій разсказывалъ анекдоты, а самъ онъ преимущественно молчалъ.

Большая склонность къ общительности при большой замкнутости; умѣніе отмѣчать въ людяхъ смѣшныя проявленія, ихъ наивности, мелочности, или пошлости, а вмѣстѣ и то трогательное, благородное, что можно найти во всякой человѣческой душѣ; интересъ ко всему, что отъ жизни и отъ искренности, и вмѣстѣ съ тѣмъ все обострявшаяся нетерпимость къ насилию и надутой бездарности; какая-то стѣснительность, если кто-нибудь слишкомъ ярко выражаетъ ему свое покровеніе; исканіе простой радости бытія среди простыхъ живыхъ людей,—такимъ остался въ памяти Чеховъ—дома.

Вас. Кемеровскій